

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Шпаковский Михаил Викторович

**Религиозно-философское учение протопopa Аввакума:
историко-философское исследование**

5.7.2. История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Москва – 2023

Диссертация выполнена на кафедре истории русской философии философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель:

Маслин Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Григоренко Анатолий Юрьевич, доктор философских наук, доцент, ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина», профессор кафедры философии факультета философии, культурологии и искусства;

Бугай Дмитрий Владимирович, доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета;

Перевезенцев Сергей Вячеславович, доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии.

Защита диссертации состоится «10» апреля 2023 г. в 17:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/057.2/2430>.

Автореферат разослан «__» марта 2023 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования

Протопоп Аввакум Петров (1620-1682) – яркая фигура трагических событий Раскола русской церкви, пламенный проповедник и духовный наставник; вместе с тем он – один из самых плодовитых древнерусских книжников, оставивший после себя, несмотря на суровые тюремные условия в Пустозерске, в которых он провел последние 15 лет своей жизни, обширный корпус сочинений. Его незаурядная фигура неизменно привлекает к себе пристальное внимание исследователей, обусловленное в первую очередь тем, что он оставил после себя уникальное по жанру, языку и содержанию «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (далее – «Житие»). Его перу также принадлежат такие крупные произведения, как «Книга бесед», «Книга толкований и нравоучений», «Книга обличений» (также известное как «Евангелие вечное»), несколько малых сочинений, корпус писем, челобитные и стихи.

Религиозно-философская, или, если угодно, философско-богословская сторона сочинений Аввакума остается недостаточно изученной, хотя именно этот аспект его наследия является самым важным для протопопа, положившего огромное количество интеллектуальной и творческой энергии на критику трагической для русской истории церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, — равно как и на полемику со своими оппонентами внутри старообрядческого лагеря.

Аввакум, развивая и формулируя свои взгляды во множестве сочинений, держится традиций московской богословско-философской мысли: речь идет о продолжении той линии оригинальной мысли, которая со всеми изводами восходит к первой половине XVI в. и формируется вокруг споров о Троице, природе Христа, теофаниях, иконопочитании, природе и обязанностях власти и др. (речь идет о концепциях Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Зиновия

Отенского, Артемия Троицкого и др.) и прошедшей горнило определенного усвоения и развития в первой половине XVII в. (в трудах Дионисия Радонежского, Ивана Наседки и др.). На Аввакума, как и на его современников, оказала серьезное воздействие западнорусская православная литература (сочинения Василия Суражского, Захарии Копыстенского, Кирилла Транквиллиона, Лаврентия и Стефана Зизаниев, Петра Могилы и др.), развивавшаяся самостоятельным путем при сильном иноконфессиональном влиянии¹.

Исследований, анализирующих те или иные аспекты философских и богословских взглядов Аввакума, сравнительно мало и их зачастую нельзя назвать хоть сколько-нибудь исчерпывающими или, по крайней мере, адекватными обширному наследию протопопа. Фигура Аввакума обычно интересует исследователей в связи со «сварой» в Пустозерске, обросшей значительным количеством историографических «мифов» (о «триетизме» протопопа, его «несторианстве» и «враждебности к философии»), которые исчерпывают для большинства исследователей мировоззренческое содержание сочинений Аввакума в то время как иные аспекты его учения оказываются на периферии интересов специалистов. Сложившаяся к настоящему времени ситуация способствовала тому, что Аввакум обычно не упоминается при изложении истории русской мысли как ее полноценный представитель.

Между тем, в своих сочинениях Аввакум обращается к множеству философско-богословских тем, которые не могут не вызвать жгучего интереса у исследователя древнерусской мысли. Все эти темы связаны не только с критикой церковной реформы, но и с ожесточенными спорами в Пустозерске (с т.н. «Пустозерскими спорами»). Аввакум яростно полемизировал с союзниками – своим духовным сыном дьяконом Феодором Ивановым, иноком Епифанием

---

¹ *Опарина Т. В.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. С. 46-72, 330-336.

Соловецким и попом Лазарем. Эти споры вышли за пределы земляной тюрьмы и вовлекли таких видных старообрядческих проповедников, как Игнатий Соловецкий и Ефрем Потёмкин. В ходе полемики обсуждался ряд значимых для христианской философии проблем, которые можно поделить на три категории: 1) природа Бога – проблема соотношения природы, силы и места в Боге, тринитарная онтология; 2) природа нематериальных тварных объектов – ангелология, а также проблема души как образа Божиего, ее устройства и природы; 3) христология – как соотносятся две природы во Христе и каким именно образом Христос сошел в ад. Аввакум основывает свои взгляды на гораздо более прочной философской базе, чем его оппоненты: он прямо обращается к теме онтологических категорий и вполне открыто изъясняет свой гилеморфизм, что можно трактовать как явное оформление в сочинениях Аввакума метафизической проблематики. Тем удивительней, что в нашем распоряжении до сих пор нет обстоятельного и беспристрастного анализа этой полемики, – полемики, заслуживающей стать одной из ярких страниц в истории русской мысли.

Работа с наследием Аввакума требует от историка философии как больших усилий, так и аккуратности, что обусловлено объёмом его наследия и разнообразием затрагиваемых в нем тем. Вместе с тем изучение этого наследия требует неременного учета разысканий филологов и текстологов, хорошего знания византийской философии, и ее рецепции на Руси, а также собственно оригинальной древнерусской книжности. В последние десятилетия на этой ниве исследований появилось некоторое количество отечественных и зарубежных работ по истории древнерусской мысли, которые создают надежный фундамент для работы с наследием протопопа.

Актуальность темы исследования для истории философии состоит в том, что на данный момент назрела очевидная необходимость исследования религиозно-философского учения Аввакума в целях закрытия огромного

пробела в исследованиях завершающего этапа древнерусской мысли и начального этапа развития старообрядческих доктрин. Без внятного историко-философского анализа взглядов Аввакума мы просто не сможем дать себе достоверного понимания того места, которое он занимал в эпоху культурного и религиозного слома в России второй половины XVII в., и его религиозно-философских представлений, которые имели столь большое значение в полемике с церковной реформой и другими старообрядческими учителями.

Степень разработанности

Если проблемами, связанными с текстологией, стилем и историческим содержанием сочинений Аввакума давно и плодотворно занимаются историки и филологи², то учение Аввакума остается недостаточно исследованным. Существуют лишь отдельные работы, посвященные этому вопросу. Имеет смысл говорить о трех этапах в развитии данного вида историографии: 1) первый этап относится к периоду, когда «Книга обличений» Аввакума стала предметом споров на Керженце и обсуждалась антистарообрядческими полемистами XVIII в.; 2) второй этап относится к сер. XIX-нач. XX в., когда появляются первые научные исследования об истории и вероучении старообрядчества; 3) третий этап начался во второй половине XX в. и продолжается по сей день и в выгодную сторону отличается от предыдущих появлением неангажированных историко-философских работ об Аввакуме и расширением исследовательского поля.

Впервые проблемами, возникающими в связи с учением Аввакума, озаботились сами старообрядцы в конце XVII в. Тогда ими и был поставлен принципиальный религиозный вопрос: каким образом следует относиться к спорным взглядам Аввакума, сформулированным им в ходе полемики с дьяконом Феодором. Обсуждение эти проблем вылилось в споры между старообрядцами (ануфриевцами, которые считали учение Аввакума

---

² Обзор литературного творчества и наиболее полную (на 1992 г.) библиографию сочинений Аввакума и исследований о нем см.: *Шашков А. Т.* Аввакум // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб: Издательство «Дмитрий Буланин», 1992. С. 16-30.

православным, и их оппонентами из «софонтьева» и «дьяконова» согласий) на Керженце; достигнув, в том числе, и Москвы в конце XVII-начале XVIII вв., полемика закончилась созывом и постановлениями т. н. «керженских соборов», осудившими учение протопопа, но сохранившими его авторитет как старообрядческого мученика³. «По горячим следам» противостояния в 1710 г. было написано сочинение московского старообрядца Тимофея Лысенина «Сказание о распрах бывших на керженце»⁴, считающееся ключевым источником сведений о ходе и содержании позиций противников Аввакума. Известен также и ответ старообрядческих старцев в защиту писаний Аввакума⁵.

О «скандальной» ситуации стало известно за пределами старообрядческой среды. Так, в антистарообрядческих сочинениях Дмитрия Ростовского (1651-1709) и нижегородского архиепископа Питирима (1665-1738) Аввакум предстает «закоренелым» еретиком. В «Розыске о раскольнической брынской вере» (1709) Дмитрий ссылался на письма, легко отождествляемые нами с «Книгой обличений», и которые цитировались по выпискам, сделанным оппонентами протопопа. Епископ прямо обвиняет Аввакума в исповедании трех сущностей в Боге, трех престолов Божества, отдельного «седения» Христа и его несоединенности с Божественной природой, недвижимости свойств ипостасей, отождествления силы и воли Бога и «несторианстве»⁶. Повторение схожих обвинений мы видим и в «Працице» Питирима Новгородского, и в «Сказании о обращении раскольников заволжских» Иоанна Саровского⁷.

---

³ Подробно об этих спорах см.: *Смирнов П. С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 311-329.

⁴ Публ. см.: Материалы для истории Раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита, под редакцией Н. Субботина. Т. 8. М., 1887.

⁵ Публ. см.: *Демкова Н. С.*, «Писанейце» керженских старцев в защиту сочинений Аввакума (1704 г.) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 174—179.

⁶ Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, об учении их, о делах их и изъяснение, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодны. М., 1762. Там же. Л. 20-25.

⁷ См.: *Бороздин. А. К.* Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке (2-е изд.). СПб., 1900. С. 167-171.

Если одни старообрядцы осудили учение Аввакума, то другая их часть, под влиянием критики официальной церкви, избрала другой способ решения вопроса. Воплощение этого подхода мы видим в «Винограде российском» Симеона Денисова: вместо того чтобы осуждать учение Аввакума, «Книга обличений» объявляется знаменитым Выговцем подложной; о правоверии же Аввакума свидетельствуют псевдоафанасиевский символ веры из «Жития» и корректная интерпретация двоеперстия. Денисов также указывает на примирение Аввакума и Феодора перед сожжением⁸. Отчасти стратегия Симеона оказалась успешной, ибо отстаиваемая им позиция получила распространение у старообрядцев и до сих пор встречается в ряде их трудов.

Учение Аввакума становится предметом изучения во второй половине XIX в., когда в российской науке и обществе происходит рост интереса к древнерусскому и славянскому наследию – и, в частности, к феномену старообрядчества, который оставался серьезным общественным явлением и насущной церковно-государственной проблемой.

В 1898 г. выходит первая общая работа об Аввакуме за авторством А. К. Бороздина⁹. В том же году выходит, и фундаментальная работа видного исследователя старообрядческих доктрин П. С. Смирнова, до сих пор остающаяся единственным практически полным исследованием раннестарообрядческой религиозной мысли. В обеих работах вопрос о спорных взглядах Аввакума впервые ставится со всей научной основательностью, – но выводы, сделанные ими, представляются слишком поспешными и тенденциозными. Авторы отмечают, что взгляды Аввакума, изложенные в его сочинениях, порой очень сильно разнятся, что объяснимо терминологической

---

⁸ Виноград Российский. Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 1906. Л. 21-22.

⁹ Нельзя также не упомянуть биографический обзор симпатизировавшего Аввакуму В. А. Мякотина, пересказавшего «еретические мнения» протопопа. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк В. А. Мякотина. СПб., 1894. С. 142.

непоследовательностью протопопа¹⁰. Однако, Бороздин проявил редкую для своего времени взвешенность: Аввакум, полагал он, стремился не проповедовать «ересь», а лишь ярко и убедительно обличать своего оппонента¹¹. По подозрению Бороздина, Аввакум мог иметь повод к таким обвинениям, ведь обличаемые им рассуждения Феодора могли быть высказаны в устной полемике и вполне устанавливаемы в дошедшем до нас сочинении Феодора. Христологическая «ересь» Аввакума проистекала из пространственного понимания Божественной природы; как следствие, сущность Божества не может в буквальном смысле слова «двигаться» и таким образом «сходить и воплощаться». Поэтому Аввакум писал о воплощении благодати как о проявлении силы Бога, чья природа должна оставаться неизменной¹². Вопрос о природе души Бороздин оставил, по сути, без объяснения, отметив, что непонятно с какой «ересью» Феодора спорит здесь протопоп¹³. Смирнов же полагал само существо этих споров случайным¹⁴. О истолковал вполне обычные православные слова о разделении единого в Боге на три как признак ереси, в которую Аввакум был действительно в итоге «вовлечен»¹⁵. Протопопу Смирнов противопоставил Феодора, учившего в формально правильных, по его мнению, выражениях о Боге и Троице¹⁶. О христологии Аввакума Смирнов, подобно критикам XVIII в., заключил как о несторианской¹⁷. Связано это было с особым, по убеждению Смирнова, учением Аввакума о Божием всеприсутствии, коль скоро протопоп отделял действия Бога от Его сущности и описывал всеприсутствие Господа в терминах действия¹⁸. Протопоп считал, что если бы Божество воплотилось существом, Бог

---

¹⁰ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе. С. 219-221; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. С. 173.

¹¹ Там же. С. 177.

¹² Там же. С. 184-186.

¹³ Там же. С. 187-188.

¹⁴ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе. С. 216.

¹⁵ Там же. С. 220.

¹⁶ Там же. С. 221-222.

¹⁷ Там же. С. 222

¹⁸ Там же.

«разделился» бы в самом Себе¹⁹. Рассмотрел Смирнов и другие частные вопросы пустозерской полемики (ангелологию, учение о душе), вновь ставя акцент на большей православности Феодора²⁰.

Работа Смирнова до сих пор остается единственным подробным обзором учения Аввакума, и в силу этого она стала источником двух устойчивых историографических мифов. Первый из них – миф о тритеизме Аввакума, растиражированный, в том числе, благодаря известному рассуждению П. А. Флоренского²¹. Попытка объяснить взгляды Аввакума, представляющиеся исследователям необычными, привели к созданию и второго мифа – мифа о протопопе-выразителе «народного богословия», устоявшегося, в частности, в литературоведческих штудиях²².

В послереволюционной историографии исключительное место занимает классическая научная биография Аввакума, принадлежащая перу французского слависта П. Паскаля²³. Поставив перед собой амбициозную задачу – написать исчерпывающую биографию протопопы на фоне эпохи, – он не мог пройти мимо «Пустозерских споров», для описания которых он впервые обратился к самой «Книге обличений». Паскаль высказал мнение, что Аввакум действительно желал разобраться в предмете спора, однако не обладал необходимым для этого уровнем образования, что и стало причиной появления спорных формулировок²⁴.

---

¹⁹ Там же. С. 224.

²⁰ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе... С. 232.

²¹ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914. С. 636. Сам факт приписывания Аввакуму тритеизма вызывает недоумение, поскольку эта триадологическая доктрина, выдвинутая Иоанном Аскуцангисом в третьей четверти VI в. и затем подробно обоснованная Иоанном Филопоном, требует принятия номинализма, которого нет у Аввакума (*Wickham L., Schism and reconciliation in a sixth-century Trinitarian dispute: Damian of Alexandria and Peter of Callinicus on properties, roles and relations // International Journal for the Study of the Christian Church. 8:1, 2008. P. 4.*)

²² См., например: Житие протопопы Аввакума: (Последняя авторская редакция): в 2 кн. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2016. С. 19.

²³ *Pascal P. Avvakum et les débuts du Raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie. Paris, 1938* (Рус. пер: Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого. М.: Знак, 2011.)

²⁴ Там же. С. 518.

Паскаль указал на важные нюансы в словоупотреблении Аввакума и терминологическую «путаницу», связав ее с терминологической же непоследовательностью переводчиков предшествующей поры²⁵. Согласно Паскалю, позиция Аввакума эволюционировала: вначале протопоп держался стандартной триадологии²⁶, но в дальнейшем попытался выяснить отношение между общим и частным в Боге, предложив неудачные формулировки. Способ соединения человечества и Божества во Христе в учении Аввакума, по мнению Паскаля, связан с тем, что Аввакум подчеркивал трансцендентность Божества²⁷.

Начиная с конца XX в. историки древнерусской мысли вновь стали обращаться к наследию Аввакума. И в этом интересе исследователей следует выделить две тенденции. Первая тенденция заключается в том, что часть авторов продолжила воспроизводить старые мифы, зачастую совершая грубейшие интерпретационные ошибки (А. Ф. Замалеев²⁸, В. В. Бычков²⁹, Н. В. Воробьева³⁰). Абсурдность ситуации с взглядами Аввакума отметила О. В. Чумичева. Она характеризует его взгляды как еретические³¹, в то же время отмечая определенные сложности в такой трактовке и противоречивость позиции³².

Вторая же тенденция, которая позволила достичь реальных научных успехов, заключается в отказе от старых штампов, а также в выявлении новых аспектов религиозно-философского творчества Аввакума. Здесь стоит особо упомянуть о вкладе В. В. Милькова, который впервые обратил внимание на

---

²⁵ Там же. С. 517, 522-523.

²⁶ Там же. С. 521.

²⁷ Там же. С. 524-525.

²⁸ Замалеев А. Ф. Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. С.245.

²⁹ Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М.: «Мысль», 1995. С. 461-462.

³⁰ Воробьева Н. В., Богословские воззрения патриарха Никона. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. С. 66-67, 67-68.

³¹ Чумичева О. В. Иконный образ в видениях Елеазара Анзерского (к вопросу о восприятии иконного образа в России в первой половине XVII в.) // Книжные центры древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 250.

³² Там же.

объемные заимствования из Ареопагитик в «Житии» Аввакума. Ему бросилось в глаза и достаточно свободное обращение протопопа с цитатами из Корпуса³³. Новая попытка рассмотреть влияние Пс.-Дионисия была предпринята в статье Н. В. Пуминовой³⁴, которая, однако, не добавляет ничего принципиально нового к нашему знанию об Аввакуме³⁵. Наконец, автор этих строк опубликовал две работы, посвященные влиянию Псевдо-Дионисия на Аввакума. Одно исследование было посвящено специально Псевдо-Дионисию в той части «Жития» Аввакума, которая получила название «Пролог»³⁶. Во второй работе рассматривалась теория Божественных имен Аввакума и вопрос о месте этой теории в неоплатонической традиции³⁷. На данный момент необходимо существенно пересмотреть выводы этих работ: материалы данных статей вошли в нынешнюю работу в кардинально переработанном виде.

Несколько лет назад О. В. Чадаева защитила в диссертацию о трансформации космологии в древнерусской книжности XVII в., посвятив одну из глав Аввакума³⁸. Чадаева полагает, что в космологии протопопа совмещены элементы как плоскостно-комарной системы, так и геоцентрической. Космологическую систему Аввакума поэтому следует считать скорее символической: в пользу такой интерпретации, как полагает Чадаева, даже несмотря на отмеченные ею сильные геоцентрические элементы, свидетельствует и то, что им не упоминаются конкретные параметры элементов небесной сферы.

---

³³ Макаров А. И., Мильков В. В., Смирнова А. А. Древнерусские Ареопагитики. М.: Кругъ, 2002. С. 22-24.

³⁴ Пуминова Н. В. Corpus Areopagiticum в сочинениях протопопа Аввакума // EUROPA ORIENTALIS. 2017 [2018]. № 36. С.181-192.

³⁵ Там же. С. 186.

³⁶ Шпаковский М. В. Идеи Ареопагитик в прологе к «Житию» протопопа Аввакума // Кирик Новгородец и древнерусская культура: сборник: в 4 ч. Ч. 4. Великий Новгород, 2017. С. 420 – 432.

³⁷ Шпаковский М. В. Учение протопопа Аввакума о Божественных именах и его неоплатонические корни // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 6 СПб.; Казань, 2016. С. 472-485.

³⁸ Chadaeva O. Kosmological Model in Russian Literary Culture of the 17th Century. PhD dissertation. Univerzita Palackého v Olomouci. Olomouc, 2017. P. 192-214.

Цели и задачи исследования

Цель настоящего исследования – историко-философский анализ сочинений Аввакума и реконструкция его основных религиозно-философских взглядов.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач³⁹:

1) выяснение и уточнение полемического контекста тем дискуссий Аввакума с официальной церковью и с своими противниками в старообрядческом лагере.

2) Установление взглядов Аввакума относительно так называемой «внешней мудрости», т. е. комплекса современных ему светских дисциплин (свободных искусств), куда также входила и философия;

3) Реконструкция учения Аввакума об Истине и описание его трансформации в доктрину Божественных имен, включающих два класса теонимов – вечных («присносущные») и предизирующихся Богу как Творцу («виновные»), – а также репрезентация связанной с этим учением критики икононской книжной справы, в частности, справы 7 члена Символа веры (на материале Пролога к «Житию»);

4) Описание взглядов Аввакума на естественное («внешнее») и мистическое познание Бога

5) Установление взглядов Аввакума, сформулированных им в ходе полемики с другими пустозерскими узниками (на материале «Книги обличений»,

---

³⁹ Я вынужден исключить из-за больших объемов нашего исследования несколько тем, которые, безусловно, тоже нуждаются в изучении. Во-первых, это моральное богословие Аввакума. Во-вторых, вопрос о влиянии памятников иудейской мистики периода Второго храма, сохранившейся преимущественно в славянских переводах, на интериоризированную мистику самого Аввакума (*Успенский Б. А.* Филологические наблюдения над текстом «Откровения Авраама» // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 49-50.). В-третьих, мы не рассматриваем космологию Аввакума, в т. ч. по той причине, что она достойно представлена в трудах О. В. Чадаевой. Я также опускаю вопрос об эстетических предпочтениях протопопа, поскольку они в целом рассмотрены в исследованиях А. И. Робинсона и Г. К. Вагнера (*Робинсон А. И.* Идеология и внешность (Взгляды Аввакума на изобразительное искусство) // ТОДРЛ. Т. 22. М.; Л.: Наука, 1966. С. 353-381; *Вагнер Г. К.* Рублевская традиция во взглядах на искусство Аввакума // ТОДРЛ. Т. 39. Л.: Наука, 1985. С. 388-393).

«Книги толкований», «Книги бесед» и других сочинений), по проблемам природы души, природы Бога, в области триадологии, богопознания, философских категорий, метафизики, онтологии, христологии, философско-догматической терминологии

б) Выявление новых источников в древнерусской книжности, оказавших влияние на взгляды Аввакума, и уточнение уже известных. Реконструкция контекста концепций мыслителя в рамках истории христианской философии.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются тексты сочинений Аввакума, прежде всего – «Книга обличений».

Предметом исследования выступает изложенное в этих текстах философско-богословское учение Аввакума.

Научная новизна исследования

1. Впервые в исследовательской литературе предложен подробный историко-философский анализ религиозно-философской доктрины Аввакума.
2. Охарактеризованы и критически осмыслены основные мифы об учении Аввакума, восходящие к работам дореволюционных историков старообрядчества.
3. Впервые подробно исследованы и охарактеризованы взгляды Аввакума на философию и познание Бога. Реконструировано его учение о двух типах Божественных имен.
4. Впервые описаны и исследованы представления Аввакума об онтологических категориях, о форме и материи.
5. Впервые на материале «Книги обличений» подробно исследованы представления Аввакума о Боге, Троице, устройстве и природе души, ангелологии и христологии.

6. При исследовании религиозно-философских взглядов Аввакума учтен тот пласт переводной и оригинальной древнерусской книжности, который ранее не привлекался в исследованиях.

7. Установлены и выявлены новые (в дополнение к ранее обнаруженным) источники учения Аввакума. Также указаны возможные влияния, ранее не отмеченные исследователями.

Теоретическое и практическое значение исследования

Теоретическое значение исследования состоит в том, что в научный оборот введены и исследованы данные, существенно расширяющие наши представления о последнем этапе развития древнерусской мысли и раннем этапе формирования раннестарообрядческих доктрин. Особым значением обладает исследование связей между Аввакумом и предшествующей ему византийской и древнерусской философией, углубляющее наше представление о влиянии византийского наследия на древнерусскую мысль.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что оно может быть использовано в дальнейших исследованиях философских и богословских взглядов протопопа Аввакума, в изучении старообрядчества и истории русской мысли и культуры второй половины XVII в. Также оно может быть полезным в преподавании курсов по истории русской философии, спецкурсов по истории древнерусской философии, богословия и духовной культуры.

Методология исследования

В основе исследования лежит историко-философский анализ сочинений Аввакума, главным из которых в контексте настоящей работы является «Книга обличений». Поскольку мнения Аввакума о тех или иных вопросах неравномерно разбросаны по всем его сочинениям, нами, во-первых, использовался метод текстуального сравнения, а во-вторых – герменевтико-сравнительный метод, которые практически невозможно разделить на практике.

В нашем понимании, использование этих методов предполагает, что мы должны в первую очередь разбирать текст самого Аввакума, а лишь затем давать ему более широкую интерпретацию. Такой вид чтения предполагает не просто подробный смысловой разбор текстов, но и выстраивание анализируемых пассажей в хронологической последовательности, что предоставляет нам возможность отследить изменения во взглядах протопопа. Другой аспект данного метода подразумевает, что мы обязаны, опираясь на круг доступной Аввакуму литературы, установить (там, где это возможно) сочинения древнерусской книжности, которые могли послужить источниками его взглядов – вплоть до прямого заимствования. В последнем случае, условно можно выделить маркированные (т. е. обозначенные самим Аввакумом) и немаркированные заимствования.

Кроме того, в случае Аввакума исследователь сталкивается с рядом методологических и концептуальных проблем более общего характера. Так, факт наличия в трудах Аввакума заимствований подводит нас к следующему вопросу: как, в таком случае, следует оценивать оригинальность мысли самого протопопа? Этот вопрос касается и иных древнерусских мыслителей, которые в своей писательской практике руководствовались, прежде всего, ориентацией на патристическую традицию. Из этого следовала установка на то, что в своей творческой практике книжник должен был не просто ссылаться на творения, «канонизированные» церковной традицией, а прямо использовать фрагменты из них в качестве своего текста. Все это приводило к ситуациям, когда исследователи на скорую руку характеризовали произведения древнерусской письменности (в частности, «Просветитель» Иосифа Волоцкого) как искусные компиляции или обобщения уже известных мнений⁴⁰. Однако сами книжники не стали бы этого отрицать, ибо, как писал Иосиф Волоцкий о своем же труде,

---

⁴⁰ Обсуждение этой проблемы (до сих пор во многом актуальное) см.: *Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1959. С. 67-80.*

«събрахъ же въ едино ѿ различныхъ писаній бж(с)твенныхъ, яко да вѣдащей бж(с)твенаа писаніа прочетше да вспоманоуть себѣ, невѣдущей же прочетше да разумѣють»⁴¹. Такие компиляции можно уподобить искусно сшитым из множества уже готовых фрагментов полотнам, которые воспринимались их авторами как законченные сочинения. Часто фрагменты не попадали в текст в исходном виде, а изменялись компилятором с целью лучше донести авторскую идею. Как следствие, эти цитаты нередко доносили мысль, не обретающуюся в тексте, из которого они были взяты. Полемические рассуждения Аввакума, порой менявшего заимствованный текст практически до неузнаваемого состояния⁴², вкупе с его толкованиями подобных цитат – яркое тому подтверждение, а значит, мы должны ставить вопрос не об оригинальности тезисов протопопа, а прежде всего о том, каким именно образом автор прочитывал чужие произведения и строил свою мысль на их основании.

Последнее методологическое замечание можно выразить в форме острого концептуального вопроса: существовала ли в Древней Руси философия? Вопрос тем более интересный, что, по верному наблюдению Г. Подскальски, в Киевской Руси не было даже того богословия, которое бы обсуждало догматические проблемы на теоретическом уровне⁴³, и уж тем более не было самостоятельной философии⁴⁴. Ситуация, по мнению почтенного исследователя, поменялась в XVI в. вместе с появлением первых крупных богословских текстов. Можем ли мы рассматривать резкий скачок в создании таких богословских сочинений как шаг в развитии русской философии? Безусловно, да, – и мы полагаем, что у нас есть полное право говорить о древнерусской философии, если мы ее рассматриваем как «росток» от древа византийской философии (на мой взгляд,

---

⁴¹ Просветитель или обличение ереси жидовствующих, Творение преподобного отца нашего Иосифа, Игумена Волоцкого. Казань, 1896. С. 47-48.

⁴² См., напр: *Сарафанова Н. С.* Неизданное сочинение протопопа Аввакума. С. 264-265.

⁴³ *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб.: Византинороссика, 1996. С. 280, 433.

⁴⁴ Там же. С. 434-435.

это единственно возможное в данном случае решение⁴⁵), которая, с одной стороны, различала внешнюю, условно «чистую», философию (часто ассоциировавшуюся с язычеством), и богословие как философию. Если первая была поставлена на службу церкви, то во втором случае речь шла об определении богословия через философию: в таком случае мы сталкиваемся с тем, что мистико-аскетические доктрины ассоциируются с нравственной или так называемой практической философией, учение о Боге – со священной философией (а также нередко с метафизикой, «наукой о божественном»)⁴⁶, тогда как включение в систему дисциплин естественной философии не вызвало проблем, поскольку она стала частью толкований библейского шестоднева. Книжники Московской Руси мало знали о внешней философии до XVII в., но были прекрасно осведомлены о большом количестве переводов трудов по «священной философии», что вылилось в появление собственной традиции мысли. В то же время философия могла противопоставляться мудрости (это делал, например, Аввакум), открытой Христом как более низшая – если вообще не неверная – форма знания. Но такую позицию тоже вполне можно назвать философской, поскольку речь в данном случае шла об осознанном и жестком ассоциировании философии не просто с внешней мудростью, а со всем комплексом знаний, не находящих своего истока в церковной традиции. В случае

---

⁴⁵ Я не могу согласиться с мнением М. Н. Громова, считающего, что философия на Руси понималась «полисемантически». Громов М. Н., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб.: РХГИ, 2001. С. 26. В то же время полисеманτικότητα терминов «философ» и «философия» была актуальна и для византийской культуры, а проблема соотношения философии и богословия стоит и перед исследователями византийской философии. Trizio M., Byzantine Philosophy as a Contemporary Historiographical Project // Recherches de Théologie et Philosophie Médiévales 74.1 (2007). Pp. 250–252. См. также работу Г. Подскальски: Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. Der Streit um die theologische Methodik in der spätbyzantinischen Geistesgeschichte (14./15. Jh.), seine systematischen Grundlagen und seine historische Entwicklung. München, 1977. S. 16-33.

⁴⁶ См. к примеру, письмо XII Максима Исповедника. Преп. Максим Исповедник. Письма. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2015. С. 189. О священной же философии говорит, например, Арсений Глухой: Скворцов Д. И. Дионисий Зобнинский. Архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. С. 426. Дамаскин относит богословие к теоретической философии, относя к ее предмету невещественные природы Бога, ангелов и душ. Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь. Дни 1–5 (далее — ВМЧ. Дек. 1–5.). Изд. Археографической комиссии. М., 1901. Стб. 510-511. (Dialectica 3, 31-34)

героя нашего исследования эта позиция несколько обманчива, ибо Аввакум не стеснялся формулировать свои взгляды в тех областях, которые относятся к священной философии, включая те аспекты, что требуют знаний из «внешней философии».

Положения, выносимые на защиту

- 1.** Отрицая значимость философии для спасения человека и утверждая даже ее пагубность, Аввакум все же был вынужден не только признать, что что церковь заимствовала из трудов философов необходимые учения, но и использовать в своей полемике основные категории онтологии и метафизики византийской философии.
- 2.** Аввакум создал оригинальное учение о двух типах имен Божиих с целью отстоять старую редакцию перевода седьмого члена Символа Веры, измененную в ходе церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича.
- 3.** Аввакум различал два вида богопознания, связывая первый с естественной теологией, а второй – с откровением и мистическим знанием, которое проявляется в особом акте схождения и вселения Бога в сердце человека, позволяя тому обладать особым небесным чувством.
- 4.** Обращение Аввакума к опыту категориальной классификации базовых понятий онтологии в древнерусской книжности опровергает мнение о невнимании Аввакума к понятийному аппарату христианской философии и его, Аввакума, непоследовательности в использовании упомянутой выше терминологии.
- 5.** Аввакум придерживался гилеморфических взглядов, зависящих в своем происхождении от «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского и «Диалектики» Иоанна Дамаскина. Он полагал, что универсалии являются источником бытия для индивидов.
- 6.** Аввакум основывал свою собственную версию онтологии Божества на византийской концепции различия сущности и действий, строго разделяя

сущность и действия Бога. Возможно, он стремился защитить учение о нетварности действий Божества.

7. Детальный анализ тринитарной онтологии в «Книге обличений» показывает, что Аввакум не был тритеитом и стремился согласовать необычное употребление терминов-понятий «образ» и «существо» с традиционной триадологией.

8. Взгляды Аввакума на образ Божий и природу души восходят к антропологии Иоанна Златоуста и Григория Нисского: Аввакум трактовал образ Божий в человеке как наличие свободы воли и господства, а подобие Божие – как подражание божественным добродетелям. Согласно ему, душа, субстанция-носитель душевных сил, самым тесным образом связанная с телом через свои действия, может быть названа «телесовидной».

9. Согласно Аввакуму, ангелы – огненные нематериальные духи, организованные в иерархию для передачи Божественного знания и осияний. Исходя из этого, следует отвергнуть представление о том, что Аввакум считал ангелов материальными по природе и буквально видимыми.

10. Аввакум был диофизитом в христологии, но понимание им соединения природ во Христе не поддается однозначной трактовке. Способ присутствия Божества в человечестве Христа описывался им в соответствии с его собственной онтологией Божества: Бог присутствовал в человеческой природе Христа, соединяясь с ней через ипостась силою и благодатью.

Степень достоверности и апробация исследования

Достоверность диссертационного исследования основана на комплексном подходе к анализу текстов Аввакума. Исследование фундировано, в первую очередь, первоисточниками, учитывает данные классической и современной научной литературы; также его выводы и основные результаты прошли необходимую апробацию.

Диссертационная работа прошла обсуждение на заседании кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 6 научных работах, в том числе в 4 статьях, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Основные положения работы раскрыты в выступлениях на международной научно-практической конференции «Православный монастырский мир: история и современность» (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2016) и на научном семинаре Scientiae de religione (ИФ РАН, 2021).

Структура работы

Структура работы соответствует целям и задачам исследования и состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цели, задачи, положения, выносимые на защиту, определяется новизна, объект и предмет, теоретико-методологические основания работы, а также рассматривается степень разработанности темы, формулируется теоретическая и практическая значимость работы.

В **первом параграфе Главы 1 «Жизнь и сочинения»** представлена биография протопопа Аввакума, позволяющая дать общее представление о его жизни и эпохе. Во **втором параграфе** представлены и охарактеризованы основные сочинения Аввакума (включая эпистолярный корпус и необходимые для нашего исследования письма), на которых строилось исследование. В **третьем параграфе** охарактеризованы ключевые сочинения переводной патристики и оригинальной славянской книжности, оказавшие влияние на мысль Аввакума. Тем самым мы позволяем дать читателю нашего исследования возможность сориентироваться в интеллектуальном мире Аввакума.

Во **Главе 2 «Отношение к философии, учение об Истине и познание Бога»** рассматриваются сочинения Аввакума, направленные против изучения философии и «внешней мудрости», а также тексты, содержащие учение Аввакума об Истине (и Божественных именах) и познании Бога. В **первом параграфе** показано, что Аввакум сознательно противопоставлял «внешнюю мудрость» евангельскому учению и «простоте рыбаков», а также представлено в виде таблиц, как и в каком виде Аввакум заимствовал цитаты из Бесед Иоанна Златоуста на послания ап. Павла и др. соч., направленные против тщетности и бессмысленности философии и светских наук. Вместе с тем продемонстрировано, что Аввакум одновременно признавал пользу философии и наук в той мере, в которой они были усвоены церковной традицией. Такая философия требует, по Аввакуму, духовной и интеллектуальной подготовки, которая уберегла бы человека от впадения в «ересь», вызванную изучением

такого знания. Чистая философия (по сути – философия языческих мудрецов) способна приводить к истинному знанию об устройстве мира, но не ведет к спасению и подлинной Истинне, – напротив, она обычно ведет к гордости и отпадению от Бога. Иными словами, у Аввакума этический идеал христианской святости и добродетелей (Божественная мудрость) противопоставляется идеалу мирской мудрости и знания. Антифилософские взгляды Аввакума анализируются на фоне стремлений его оппонентов из официальной церкви обосновать полезность «внешней мудрости» для религии. **Второй параграф** посвящен учению об Истине. До пустозерского заключения Аввакум, если основываться на материалах его архивных выписок, разделял взгляды на Истину как особое состояние духовного и умного знания во Христе (на основе учения Псевдо-Дионисия). В этот период им начинает развиваться необычная концепция, которая была окончательно оформлена в Прологе его «Жития». Это концепция была направлена против удаления прилагательного «истинного» от Св. Духа в восьмом члене Символа веры в ходе церковной реформы; она наследует более ранним полемическим старообрядческим сочинениям, в которых утверждалось, что «отложение» «истинного» от св. Духа в Символе веры ведет к исповеданию всей Божественной природы и трех ипостасей «неистинными», поскольку истинность – общее свойство природы. Аввакум на основе текста «Божественных имен» Псевдо-Дионисия Ареопагита создал учение о вечных и «виновных» именах Бога, которое, однако, не имеет практически никакого отношения к самому Псевдо-Дионисию. К числу первых, которых насчитывается всего четыре и которые указывают на подлинные свойства природы Бога, относится имя «Истина»: оно указывает на Бога как на Сущего. Другие два имени – Свет и Жизнь. Исповедание этого имени необходимо для того, чтобы пребывать в сообщении с Богом. Соответственно, по мнению Аввакума, исключение этого имени из новой редакции Символа веры привело официальную церковь к отпадению от Бога. «Виновные» имена – это имена, которые обозначают различные аспекты Божества через следствия его

творческих актов, т. е. как причины бытия вещей: согласно Аввакуму, это – хвалебные имена и они создаются людьми. **Третий параграф** посвящен концепциям естественного и мистического знания Бога. У Аввакума не было систематичной концепции естественного познания Бога: по большей части она представлена у него фрагментарно. Из этих фрагментов можно сделать вывод, что он рассматривал естественное познание как принадлежащее Ветхому Завету и не способное дать подлинного знания о Боге. Мистическое же познание связывается им с любовью праведника и схождением Бога в сердце верующего при помощи особого «небесного чувства», позволяющего реципиенту соединиться с Богом и стать домом Божества. Мистическое познание невозможно без движения к праведнику со стороны Бога, поскольку последний полностью трансцендентен. Божественная непостижимость требует того, чтобы Бог сам сходил к праведнику.

В **Главе 3 «Онтологические категории и гилеморфизм»** я предпринимаю попытку реконструировать онтологические и метафизические построения Аввакума, без которых невозможно понять его взгляды, сформулированные в ходе пустозерской полемики. Я показываю, что серьезным источником онтологических представлений Аввакума была статья «Поучения церковная. О святей вере вопросы и ответы», тогда как главным источником гилеморфических взглядов Аввакума выступил «Шестоднев» Иоанна экзарха; мы прослеживаем это влияние, учитывая контекст философско-богословской книжности. В **первом параграфе** мы анализируем онтологические представления Аввакума через описание основных философских категорий на материале философско-догматического словаря из второй части «Книги обличений». Эти категории охватывают как общие (природа, сущность, форма), так и частные понятия (лицо, ипостась, «состав») онтологии в общепhilosophском понимании и в приложении их к Божеству и Троице. Ключевой вывод этого раздела: Аввакум признавал реальное существование универсалий (форм, природ и видов), дающих бытие и свойства индивидуальным сущностям. Этот

вывод позволяет элиминировать любые попытки приписать Аввакуму богословский тритеизм, поскольку тем самым однозначно исключаются номиналистические трактовки понимания Аввакумом природы универсалий. Протопоп также стремился обосновать законность употребления термина «образ» одновременно для обозначения и формы, и индивида как совокупности свойств и акциденций. В то же время проблема, связанная с термином «образ», возникла отнюдь не в момент начала «Пустозерских споров», а в предшествующий им период, поскольку древнерусская традиция дает основания для двойного использования термина «образ» в отношении как ипостаси, так и природы; последнее служило камнем преткновения для книжников и в более раннее время. Ключевым источником категориальных определений для Аввакума выступил текст «Поучение церковное о вере», известный в составе Кормчих и несущий на себе отчетливое влияние философских и богословских понятий, заимствованных из патристических текстов. Во **втором параграфе** анализируются гилеморфические представления Аввакума и прослеживается история бытования учения о материи и форме в древнерусской книжности с целью воссоздания необходимого историко-философского контекста. Согласно нашим выводам, исследователь вправе выделить в древнерусской книжности три формы гилеморфизма, выраженного в разных терминологических языках. Древнейший извод гилеморфизма, появившийся в IX-XII в., связан с парой «вещь» (материя») и «образ» / «вид» (форма, вид); извод возникший в ходе переводческой работы XIV в., характеризуются парой «вещь» и «зрак»; наконец, последний извод появился в ходе взаимодействия западнорусской книжности с латинской схоластикой, в частности схоластической метафизикой таинств, и благодаря нему в русской языке появилась пара «материя» и «форма». Эти переводы представляют как натурфилософское, так и логико-онтологическое понимание форм, однако они не дают единого представления о соотношении формы и материи, поскольку в обозреваемых нами памятниках представлены разные точки зрения на вопрос о том, как материя принимает формы и как

именно последние были созданы. В целом переводы отображают разнообразие мнений в византийской философии на этот вопрос. В Древней Руси устоялся преимущественно язык первого извода, хотя и с влияниями второго, – и Аввакум следует именно ему, поскольку в своих гилеморфических взглядах он опирается на «Шестоднев» Иоанна экзарха. Также мною рассматривается сюжет полемики Аввакума против приписываемого им дьякону Феодору платонизма, под которым Аввакум понимал существование независимых от Бога форм, ставших образцом для создания твари. «Платонизм» Феодора и его критику Аввакум конструирует на основе текста Иоанна экзарха: протопоп полагает, что каждая сущность имеет свою собственную тварную форму, а если точнее видовую сущность, которая не создавалась по образу какой-либо предсуществующей парадигмы.

В **Главе 4 «Пустозерские споры»** рассматриваются ключевые темы богословско-философских споров между пустозерскими узниками и позиция в них Аввакума. В **первом параграфе** представлено введение в споры: обрисована история их возникновения и ход споров, описаны проблемы, вокруг которых велась полемика. В **втором параграфе** исследуется спор о природе и действиях Божества, который, как мы показываем, привел пустозерских оппонентов к фундаментальным расхождениям в понимании связанных с ним богословско-философских проблем. Аввакум в своей онтологии Божества четко отличает неприступную, неизменную, неподвижную сущность от действия, благодати и всемогущей силы Бога, которой приписывает всеприсутствие, всезнание и всемогущество. Мы полагаем, что Аввакум испытал влияние византийской доктрины различения сущности и действий в Боге, с которой он мог ознакомиться через переводную книжность. Прямое влияние на некоторые утверждения Аввакума оказал текст «Шестоднева» Иоанна экзарха. Эта доктрина прилагалась Аввакумом к решению христологических проблем, к интерпретации природы огненных языков и благодати, сошедшей на апостолов в день Пятидесятницы. Мною высказано предположение, что дьякон Феодор,

считавший, что Бог везде присутствует своей необъятной сущностью, быть может, учил о тварной природе благодати. Это позволяет рассматривать споры о природе Божества в Пустозерске как аналог паламитских споров. В **третьем параграфе** подробно разбирается триадология Аввакума. Мы показываем хронологическое развитие триадологических построений Аввакума на материале Пролога «Жития», «Книги бесед», «Книги толкований» и «Книги обличений». В Прологе Аввакум излагает обычные триадологические взгляды на основе псевдо-Афанасиевского Символа веры. Терминология данного Символа веры сохраняется и позднее, в других триадологических текстах Аввакума, включая «Книгу обличения». В последней он, в противовес приписываемой Феодору «ереси» слияния, стремился заостренно показать различие и строгое единство в Троице. Он также намеревался обосновать возможность применения терминов «образ» и «сущность», встречаемых в спорных значениях в некоторых дореформенных литургических текстах, как в значении частного, так и общего, – для описания онтологических отношений между ипостасями Троицы, с целью легитимизировать эти варианты дореформенного словоупотребления. Вместе с тем показано, что даже в «Книге обличений» Аввакум исповедовал традиционную тринитарную онтологию, которая была прямо связана с его представлением об онтологии, выраженной в его рассуждениях о категориях. Мы также указываем, что источниками триадологических суждений Аввакума выступили «Большой катехизис» Зизания, «Против аномеев» Иоанна Златоуста», Дионисиев корпус и др. сочинения. В **четвертом параграфе** разобраны взгляды Аввакума на образ Божий в человеке и природу человеческой души. Протопоп отверг общепринятую для Руси «антропологическую схему», восходящую в своей стандартной форме к «Просветителю» Иосифа Волоцкого и согласно которой душа, состоящая из ума, слова и духа, моделирует устройство самой Троицы. Ключевой аргумент в пользу отвержения этой «схемы» – полная несоизмеримость и несходство Божественной и человеческой природ. Вместо

этого Аввакум полагает, что образ и подобие Божие – это свобода воли и способность человека к милости и творению блага. Образ Божий – это то, что достигается посредством действий человека, а именно – через достижение святости. Он также идет на деконструкцию «антропологической схемы»: душа не состоит из трех частей, а является несущей субстанцией для своих многочисленных проявлений и сил. Какие-то силы являются более нематериальными, чем другие. Эти силы, в зависимости от того, как их использовать, позволяют либо уподобляться Богу, либо впасть в грехи. Зависимость души от тела настолько тесна и сильна (хотя, взятая безотносительно к телу, она может называться духом), что Аввакум называет ее «телесовидной». В **пятом параграфе** разбирается ангелология Аввакума. Он считал, что ангелы суть духи, составленные из небесной и нематериальной разновидности огня. Он разделяет взгляды Псевдо-Дионисия на ангельскую иерархию и рассматривает ее как способ передачи знания и осияний от Божества. Ангелы различаются своей близостью к Богу и воспринимают Его осияния и исхождения; однако даже самые высшие чины не могут вместить в себя всю полноту священного знания о Боге. Ангельскую образность Аввакум толкует в качестве анагогических символов, следуя в этом преимущественно Иоанну Златоусту. В **шестом параграфе** исследуется христология протопопа. Аввакум не учил о двух Сынах, но полагал, что неизменная и неподвижная сущность Бога не могла присутствовать в человечестве Христа. Поэтому Воплощение и присутствие Бога в человечестве, т. е. соединение двух природ, произошло «силой и благодатью», т. е. посредством действия в воспринятой через сыновью ипостась человеческой природе. Мною также разобрано необычное учение протопопа о сошествии Христа во ад. После крестной смерти душа Христа была забрана Богом, а не сведена смертью в ад; тем самым Христос своей смертью открыл праведникам путь свободы от ада и смерти. Уже в этом состоянии Христос сошел в ад с телом и свободной от смерти душой и освободил тех, кто пребывал там. Аввакум различал «восстание», т. е. оживление тела и сошествие

Христа во ад с обоженными душой и телом на третий день, и «воскресение», т. е. выход из ада.

В **заключении** я обобщаю выводы по разным аспектам взглядов Аввакума и намечаю перспективы будущих исследований.

III. СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

I. Рецензируемые издания, индексируемые в ведущих международных цитатно-аналитических базах (Web of Science, Scopus, RSCI):

1. Шпаковский М. В. Триадология Иосифа Волоцкого // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 85. С. 52-70 (Web of Science, Scopus, RSCI; JCR – 0,32, CiteScore – 0,1, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,606).
2. Шпаковский М. В. Вопросы о богословско-философских терминах в «Книге обличений» протопопа Аввакума // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 4. С. 157-173 (Web of Science, Scopus, RSCI; JCR – 0,43, CiteScore – 0,3, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,608).
3. Шпаковский М. В. Учение протопопа Аввакума о природе и устройстве человеческой души // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 2. С. 3-18 (RSCI, пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,329).

II. Издания, включенные в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утвержденный решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова:

4. Шпаковский М. В. От Иоанна Экзарха до протопопа Аввакума: рецепция учения о материи и форме в древнерусской книжности // История философии. 2022. Т. 27. № 1. С. 5-19 (пятилетний импакт-фактор РИНЦ: 0,352).

Публикации в других изданиях:

5. Шпаковский М. В. Учение протопопа Аввакума о Божественных именах и его неоплатонические корни // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 6. СПб., Казань, 2016. С. 472-485.
6. Шпаковский М. В. Идеи Ареопагитик в прологе к «Житию» протопопа Аввакума // Кирик Новгородец и древнерусская культура: сборник: в 4 ч. Ч. 4. Великий Новгород, 2017. С. 420 – 432.